

Р.М. Баталова (Москва)

О ПУТЯХ РАСХОЖДЕНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Предлагаемая статья посвящена дискутируемой теме в коми языкознании – проблеме самостоятельности языка коми-пермяков.

Коми-пермяцкий язык относится к пермской ветви финно-угорских языков и состоит в ближайшем родстве с коми-зырянским и удмуртским языками. Принято считать, что коми-пермяцкий язык является одним из наиболее поздно сформировавшихся финно-угорских языков пермской ветви, хотя его истоки восходят к глубокой древности.

Носители языков коми подветви до Октябрьской революции были известны под названиями пермяки и зыряне, а их языки – соответственно пермяцкий и зырянский, или пермский и зырянский. Под такими названиями они фигурируют и до настоящего времени в зарубежной научной литературе. Ныне действующие наименования литературных языков – коми-пермяцкий и коми-зырянский - являются искусственными терминами, созданными в 20–30-е гг. нашего столетия в связи с созданием литературных языков для зырян и для пермяков. А такие искусственные этнонимы, как коми-язьвинцы и коми-зюздинцы, встречаются только в научной литературе советского и постсоветского периодов, в быту они не употребительны. Соседним

народам язвинцы и верхнекамцы (так называемые зюздинцы) известны по их самоназваниям – пермяки, а по месту их проживания – язвинские, или красновишерские пермяки, и кировские, или верхнекамские пермяки.

Общепермский язык, носителями которого являлись предки близкородственных племенных группировок (пермяков, зырян и удмуртов), вероятно, представлял в древности некое языковое единство, которое распалось примерно к IX в. С этого времени племена верхнего Прикамья утратили непосредственную связь с предками нынешних удмуртов, что привело к окончательному распаду пермского праязыка на древнеудмуртский и древний общекоми языки, а уже в XI в. произошел распад так называемого общекоми языка, в связи с чем прекратилась между отдельными территориально разрозненными частями “коми” народа та связь, которая необходима для протекания единых процессов в языке. Действительно, в коми языке после отделения от удмуртского общих языковых процессов немного (Лыткин В.И. 1957: 26).

Древний общекоми язык образовался изначально на базе двух этнически близких племенных группировок – зырянской и пермяцкой, представлявших, возможно, два диалекта или наречия единого общекоми языка. В процессе дальнейшей миграции части коми племенных группировок на север, на территорию нынешней Республики Коми, происходит территориальное размежевание общекоми народа, ослабление и утрата связей между его северной (зырянской в своей основе) и южной (пермяцкой) частями. Принято считать, что начало миграционных процессов предков зырян относится к IV-VI или VI-VII вв. н. э.

В связи с начавшейся “колонизацией” земель Приуралья русские поселенцы начали прибывать на территорию обитания пермяцкого населения с XI-XII вв. В 1472 г. Пермь Великая оказалась в вассальной зависимости и была присоединена к Московскому государству. В начале XVI в. прекратилась самостоятельность Перми, а во второй половине его были заложены основы закрепощения большей части ее территории за русскими помещиками.

Прилив русского населения в Прикамье был связан еще и с тем, что после присоединения пермяцких земель через них шла новая, более южная и более короткая дорога в Зауралье.

Следует отметить, что пермяки до XI-XII вв. занимали значительную территорию на Среднем Урале, о чем свидетельствуют географические названия. Позднее, в связи с усилившимся притоком русского населения

на редконаселенные пермяцкие земли, а также в связи с освоением Западного Урала промышленниками Демидовыми, Строгановыми, Всевожскими и др., многие пермяцкие волости постепенно обрусевали, а сумевшие сохранить свой язык и культуру пермяки ныне занимают незначительную часть былых земель Перми Великой – территорию нынешнего Коми-Пермяцкого автономного округа.

Пермяцкое население оказалось в окружении русских, и поэтому не существует никакого “единого коми языкового” пространства уже с XI в. Нет и единого административного центра. Пермяки издавна живут в Прикамье, их административным центром была Пермь, а с 1925 г. – со времени образования Пермьского Края Уральской области, позднее Коми-Пермяцкого округа, – центром является г. Кудымкар.

В связи со складывающимися историческими условиями пермяцкое население вовлекалось в иные экономические условия, что привело к постепенному приобщению и к духовной культуре русского народа: пермяки восприняли более высокий бытовой уровень, и это отразилось на их жилище, одежде, сказало на сельском хозяйстве и, естественно, на их языке.

Русские заимствования относятся к самым различным сферам хозяйственной, духовной и культурной жизни. Через русское же посредство вошла в коми-пермяцкий язык и интернациональная лексика различного происхождения.

Со времени распада так называемого общекоми языка (с XI в.) как в языке зырян, так и в языке пермяков постепенно нарастали диалектные различия, вырабатывались свои специфические особенности, реализовались различные тенденции и инновации, что в конечном итоге привело к формированию двух близкородственных, но самостоятельных языков: 1) на территории княжества Перми Великой – пермяцкого языка, 2) на территории так называемой Малой Перми (на Выми) – зырянского языка.

Наименование *коми язык* в дореволюционной литературе не было известно. Первоначально слово *коми* <*общеперм. *кот* ‘человек’; ср. манс. *kit*, ‘мужчина’; хант. *хит* ‘мужчина’, ‘человек’ означало ‘человек’, ‘мужчина’ (КЭСК 1970: 132).

Введение искусственных (двойных) наименований языков свидетельствует о неадекватной оценке языковой ситуации так называемой коми подветви пермских языков и о незнании языковой ситуации, сложившейся к 20-м гг. XX столетия.

В 20–30-е гг. как у зырян, так и у пермяков основное внимание было обращено на создание письменности для обоих языков и установление норм создаваемых литературных языков. Но составители первых учебников не имели представления о сложности языковой ситуации на территории Пермского Края. Значительные различия в употреблении звуков *в* и *л* явились большой помехой при создании единых норм литературного языка, приемлемых как для южных, так и для северных пермяков. В сложившихся условиях наиболее удачным решением этой проблемы было бы создание двух вариантов литературного языка: а) взовый – для южан и б) эловый – для северян и носителей южных эловых диалектов – оньковского и нердвинского, а также для верхнекамских, или Кировских, пермяков. Но в то трудное время для такого решения этого вопроса не было ни материальных условий, ни времени.

Была также попытка сблизить нормы зырянского литературного языка с пермяцким, но этот вариант оказался неудачным. Тогда зырянские языковеды, консультировавшие в то время пермяцких авторов учебников, исходя из так называемого единства, близкого родства языков, предложили другой вариант, который состоял в следующем: принять за норму коми-пермяцкого литературного языка основные характеристики кудымкарско-иньвенского диалекта (носителями которого является около 2/3 населения округа), а в целях сближения с северным наречием языка пермяков в области фонетики было предложено ввести употребление звука *л*, отсутствующего в базовом диалекте, в том виде, в каком он употребляется в коми-зырянском литературном языке, как чередование *л//в*, свойственное присыктывкарскому диалекту, легшему в основу коми-зырянского литературного языка.

Но заметим, что такое чередование *л//в* не было свойственно ни одному из говоров эловых диалектов пермяцкого языка. И поэтому искусственной форме литературного языка пермяков, сложившейся в основном в 1930–40-е гг., так и не удалось занять подобающее место в жизни общества; ведущее место по-прежнему занимают территориальные диалекты. Литературный же язык оказался ограниченной сферой письменности. Все другие функции были переданы русскому языку. Вследствие этого, естественно, наблюдается обильное проникновение терминологической лексики из русского языка в современный коми-пермяцкий литературный язык.

В условиях все возрастающего и довлеющего влияния русского языка на пермяков через радио, печать и телевидение количество лексических заимствований продолжает увеличиваться.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время процессы контактирования пермяцкого и русского языков зафиксированы на всех уровнях пермяцкого языка. Такое активное усвоение языковых элементов пермяками из языка соседнего народа стало возможным, как уже отмечалось выше, благодаря многовековому взаимодействию двух языков. Это взаимовлияние воспринимается как естественное явление и в то же время является одним из путей своеобразного развития младописьменного языка.

Однако при этом следует отметить, что даже при длительном контактировании и сильном влиянии соседнего языка, так называемый заимствующий язык берет из другого языка только то, чего ему не хватает. К примеру, недостающие термины и понятия в связи с появлением новых орудий производств; многие слова вошли в речь пермяков в результате изменений общественных отношений в послереволюционный период, а также уже в постперестроечное время. Так, многочисленная заимствованная терминология нашла свою нишу в языке пермяков и вписалась в лексическую систему языка. Многие русские заимствования употребляются в качестве синонимов.

Но значительные изменения, происшедшие в языке пермяков за период его самостоятельного развития, естественно связаны с проявлением действий внутренних закономерностей и также экстралингвистических факторов, возникших в результате длительного взаимодействия с соседним русским народом.

В данной статье мы остановимся на некоторых отличительных чертах языка пермяков, получивших свое дальнейшее развитие уже в период существования пермяцкого народа как самостоятельной этнической общности.

1. В фонетике. 1. Появление новых *в*-*л*-вых диалектов, отсутствующих в диалектах близкородственных языков – в коми-зырянском и удмуртском: а) *в*зовые, в которых отсутствует звук *л* (кудымкарско-иньвенский и нижеиньвенский диалекты); б) нуль-*в*зовый (оньковский диалект), в котором звук *в* утрачивает свою фонематическую роль, ср.: *вон* и *лон* 'брат', *вот* и *лот* 'сон' и др. 2. Появление явления стечения гласных как результат выпадения интервокального *в* (в южном наречии), ср.: *таун* < *тавун* < *талун* 'сегодня', *коѵ* < *ковѵ* < *колѵ* 'надо' и др. и *л* в отдельных случаях в некоторых северных говорах (в

большекочинском), например: *суальш* < *суальшит* < *суальшит* 'постой'. 3. Возникновение нового фонетического явления в области гласных – ассимиляции или выравнивания гласных по ряду и подъему, ср.: *отир* и *отер* 'люди', *ошын* и *ышын* 'окно', *гоубой* и *гуубой* 'голубой' и т.д. 4. В языке пермяков произошла значительная трансформация прапермского суффикса множественного числа, ср.: удм. *-йос* (после гласных *-ос*), кз. *-йас*, кп. *-эз* (*-ез*) < **-йэз*. Начальный звук *й* суффикса мн. числа *-йэз* подвергся ассимиляции предшествующими мягкими согласными основы слова: *мон' + йэз* > *мон'н'эз* 'сноха → снохи', а затем по аналогии – твердыми согласными основы: *вон + йэз* > *воннэз* 'брат → братья'. В результате дальнейшего ослабления позиции *й* в середине слова он выпал и между гласными, ср.: *кӧс'ича + йэз* > *кӧс'ича-эз* 'висок → виски' и др. Но на этом процесс трансформации (сокращения) суффикса мн. числа не останавливается. Вслед за *й* из суффикса мн. числа наблюдается выпадение звука *з*, конечная позиция которого здесь также оказалась ослабленной. В результате в языке пермяков мы имеем следующие ступени видоизменения суф. множественного числа: *-йэз* > *-эз* (*-ез*) > *-э* (*-е*). Таким образом, носителем значения множественности является фонема *э*, например, *вонн-э-т* 'твои братья' < *вон* 'брат', *-э* – показатель суф. мн. числа, *-т-* – лично-притяжательный суффикс 2 л. ед. числа; пел. *мӧсс-э абу* 'коров нет', *вӧрр-е сайын* 'за лесами'; бел. *сой-э-кӧт* 'со своими сестрами' и т.д.. 5. Наличие трех систем словесного ударения: а) качественно-вокальное, когда место ударения зависит от качества корневого гласного в неодносложных словах (одни гласные – среднего и нижнего подъема *а, о, э, ӧ* – всегда ударные, а гласные верхнего подъема *и, ы, у* обычно не имеют на себе ударения; б) морфологизированное или разноместное ударение (перенос ударения с корневой морфемы и закрепление его на суффиксальных); в) в двух окраинных северных диалектах – мысовском и верх-лупьинском – ударение характеризуется сохранением в большинстве случаев древнего финно-угорского ударения на первом слоге. Процессы морфологизации ударения в них также имеют место, но они находятся в самой начальной стадии развития. 6. Развитие процесса фонологизации, в основном, в связи с морфологизацией ударения. Как известно, в языке пермяков словесное ударение, как и в русском языке, не связано с каким-либо слогом слова и может располагаться на любом по порядку слоге. Однако разноместное ударение не означает его произвольности и полной свободы: каждая словоформа имеет только одно опреде-

ленное ударение, место которого обусловлено закономерностями его образования. Эти закономерности используются в языке для различения конкретных омонимичных слов, словоформ, состоящих из одинакового набора фонем, т.е. ударение выполняет функцию фонологизации, ср.: *вўран* 'шьешь', но *вурáн* 'шитье', *бўдмас* 'вырастет', но *быдмáс* 'растение' и т.д. Иначе говоря, одного изменения места ударения достаточно для устранения омонимии словоформ, и ударение становится фонологическим средством их различения.

Местом ударения устраняется омонимия грамматических форм у существительных, прилагательных, числительных, местоимений, глаголов и наречий.

Имеется немало случаев, когда любое перемещение места ударения приводит к изменению смысловых оттенков слова, например: *бёргõтыштны* 'быстро повернуть', *бергõтыштны* 'немного повернуть', 'чуть, слегка повернуть' и др.

Фонологическая роль ударения не во всех диалектах одинакова. Это зависит от степени морфологизации ударения, то есть закрепления его на том или ином суффиксе.

Следует заметить, что и в близкородственном коми-зырянском языке ударение обычно падает на первый слог, а в удмуртском – поκειται на последнем слоге слова, что является результатом влияния соседнего татарского языка.

II. В области морфологии. 1. Во всех диалектах языка пермяков суффиксом сравнительного падежа является *-ся*. В коми-зырянском данный суффикс употребителен в лузско-летском, верхнесысольском и среднесысольском диалектах, что свидетельствует о прибытии в данный регион значительного количества пермяков в результате более поздних миграционных волн с северного Прикамья. Здесь значителен пермяцкий адстрат. 2. Развитие системы внешнеместных и приблизительно-местных падежей за счет разрушения серийных послелогов с основой на *дын-* (*дынын* > *дын*, *дынõ* > *дõ*, *дынись* > *дись*, *дынõть* > *дõть*, *дынõдз* > *дõдз*) и *орд-* (*ордын* > *дын*, *ордõ* > *дõ*, *ордись* > *дись*, *ордõть* > *дõть*, *ордõдз* > *дõдз*), *ви-*(*виõ*, *виись*, *виõть*, *виõдз*). В результате чего в отдельных диалектах число падежей фигурирует от 19 до 28 вместо 17 в литературном языке пермяков; сравните в коми-зырянском – 16, в удмуртском – 15. 3. В языке пермяков широко употребителен суффикс *-ок* (*-ёк*) для выражения категории уменьшительности, он восходит к древнему финно-угорскому *к-*овому суффиксу, не имеющему широкого употребления в других

родственных пермских языках. Есть основание предположить, что в языке пермяков суффикс *-ок* (*-ёк*) получил импульс для своего развития под влиянием русского языка, ср.: *деньга* 'деньги' – *деньга-ок* 'денежки', *синва* 'слеза' – *синва-ок* 'слезки, слезинка', *ём* 'рот', *ём-ок* 'ротик', *ки* 'рука' – *ки-ок* 'рученька' и т.д. 4. Со значением пренебрежительности широко употребительны суффиксы *-жуг* и *-шой*: а) суффикс *-жуг* – в диалектах южного наречия (за исключением оньковского диалекта) и в коми-язьвинском наречии; б) суффикс *-шой* – в северном наречии, ср.: ю. *пон* 'собака' – *пон-жуг* 'собачонка', *керку* 'дом' – *керку-жуг* 'домишко', *бригадир* – *бригадир-жуг* 'никудышный бригадир'; сев. *морт* 'человек' – *морт-шён* 'человечишко', *зонка* 'мальчик' – *зонка-шён* 'мальчонка' и др. Заметим, что суффикс *-шён* употребляется также и в южных диалектах коми-зырян (в верхнесысольском и лузско-летском) опять же как результат влияния языка новых миграционных потоков с северного Прикамья. 5. Широкое распространение получила категория относительных прилагательных, образованных с помощью суффикса *-овой* (*-олой*), кя. - *өвöй* < русск. *-овый*, *-ая*, *-ое* и *-ской* < русск. *-ский* (*-ая*, *-ое*), например: *пу* 'дерево' – *пу-овой* 'деревянный', *кыдз* 'береза' – *кыдз-овой* 'березовый'; *Сенин* 'д.Сенино' – *сенин-ской* 'сенинский', *Чумкар* 'городище Чумкар' – *чумкар-ской* 'чумкарский' и т.д. по аналогии с русскими заимствованиями. 6. Происходит замена исконных числительных русскими: счет на родном языке в устной речи ведется до пяти, например: *отик* 'один', *кык* 'два', *куим* 'три', *нёл* 'четыре', *вит* 'пять', а далее: *шесь*, *сем*, *восем*, *деветь*, *десеть* и т.д. Однако и до пяти наряду с коми-пермяцкими числительными употребляются также русские числительные. Очевидно, со временем исконные числительные до пяти также уступят свое место заимствованным из русского языка.

Заимствуются как количественные, так и порядковые числительные, например: *один* – *первой*, *два* – *торой*, *второй*, *пять* – *пятой*. Русские числительные ведут себя в предложении как исконные коми-пермяцкие числительные. Падежные окончания присоединяются к форме именительного падежа ед. числа, например: *сем-ись* 'от семи', *первой-лись* 'у первого', *сто-өн* 'по сто' и т.д. 7. С местоимениями и наречиями широко употребительны русские частицы *не-*, *-либо*, *-нибудь*: *не-кин* 'никто', *кин-либо* 'кто-либо', *мый-нибудь* 'что-нибудь'; *не-кытчö* 'никуда', *кытшиём-либо* 'какой-либо', *кысянь-нибудь* 'откуда-нибудь' и др. 8. С глаголами употребительны выделительные частицы *-тö/-т* < ср. русск. *-то*, *-те* < русск. *-те*, например: *мунны-тö* 'идти-то', *шогавны-тö* 'болеть-то'; *гыжö-те* 'напишите', *керö-те* 'сделайте'

и др. Для литературного языка такие формы не характерны. Значение мягкой просьбы выражается с помощью частицы *-ко* < русск. *-ка*, которая может употребляться с любым глаголом императива: *туксьы-ко* 'садись-ка', *ытшкы-ко* 'коси-ка', *вундав-ко* 'нарежь-ка' и др. 9. Коми-пермяками освоено большое количество русских наречий, союзов и частиц, активно используемых в литературном языке.

III. В синтаксисе. В результате длительного контактирования с русским населением примерно с XI-XII вв. в языке пермяков выработался относительно свободный порядок слов в простом предложении. В структуре синтаксиса появились союзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. В древности же в основном преобладали бессоюзные сложные предложения. Этому способствуют и слабые позиции искусственно созданного литературного письменного языка коми-пермяков.

IV. В лексике. Как уже отмечалось выше, язык коми-пермяков обогащается за счет многочисленных русских заимствований. Развитие лексики за счет внутренних ресурсов менее заметно, но они также имеют место. Немалую роль играют здесь и процессы морфологизации и фонологизации ударения.

Однако и при условии многостороннего влияния русского языка не следует преувеличивать значение внешнего воздействия на внутренние процессы языка.

Исследователям языка, особенно диалектологам, хорошо заметны процессы реализации внутренних тенденций языка, заложенных еще в древнепермском языке и на более ранних стадиях развития языка, в том числе, и в финно-угорском языке-основе. Активность действия внутренних закономерностей четко проявляется при сравнении темпов развития сходных языковых явлений в близкородственных языках – в коми-зырянском и удмуртском. Они наблюдаются на всех уровнях языка.

Общеизвестно, что развитие языка тесно связано с историей народа. И пока живы его носители, будут живы и процессы обновления языка.

Сокращения

Бел. - белоевский говор южного наречия, д. – деревня, кз. - коми-зырянский язык, кп. - коми-пермяцкий язык, кя. - коми-язвинское наречие коми-пермяцкого языка, пел. - пельмский говор северного наречия коми-пермяцкого языка, сев. - северное наречие коми-пермяцкого языка, ю. - южное наречие коми-пермяцкого языка, удм. - удмуртский язык.

КЭСК - Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

- Лыткин 1957 – Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Сыктывкар, 1957.